

вез / за двадцать километров в полевую / полицию, и Тимофея там / без лишних разговоров расстреляли...»

Р. кинематографически «прокручивает» свои воспоминания о няне Тане на ее похорожах. Раньше его о похорожах своей няни рассказал А. Межиров в стих. «Серпухов», которое содержало, как и стих. Р., аллюзию на стих. В. Ходасевича о его русской няне. Хотя Р. прямо не указывает на связь своего стих. со стих. Межирова, она несомненно есть. Таким образом, из стих. Ходасевича, Межирова и Р., преемственно связанных между собой, сложилась весьма оригинальная лиро-эпическая трилогия, в которой каждый поэт, кровно связанный с еврейством, по-своему рассказывает о том, как русская няня помогла ему приобрести русскую ментальность, увидеть в простых русских женщинах черты России, а самим стать по характеру и худож. мировосприятию русскими поэтами. Эта трилогия является важным штрихом не только в истории русской поэзии, но и в истории русского искусства XX в.

Примером того, как в поэзии Р. чередование и взаимодействие натуралистических, протокольно достоверных и автобиографически документальных кадров приводит к тому, что реалистические образы приобретают таинственный, магический и символический оттенок, может быть стих. «Дельта», образ девушки в нем. Ощущение таинственного в реальном роднит Р. с Ахматовой, которая считала, что в настоящей поэзии, в поэзии Пушкина и в ее собственной, есть нечто тайное и таинственное.

Всякое подлинное произведение искусства, в особенности поэтическое, содержит в себе неповторимую, индивидуально-личностную, жизнотворческую энергетику, которой зарядил и наделил его автор. Индивидуальная часть этой энергетики имеет природное происхождение, она связана с врожденными свойствами человека и имманентно присущей ему способностью воспринимать окружающий мир или, по-другому, сырую, первозданную природу; личностная часть энергетики создается главным образом за счет восприятия и ассимиляции человеком культурного наследия: чтения книг, просмотра кинофильмов и телепередач, знакомства с живописью, архитектурой и т. д. В энергетике каждого художника и его творчества есть свое соотношение и взаимодействие этих двух частей: один поэт наиболее чутко воспринимает «сырую» природу, другой — производную, преображенную, книжную, культурную и т. д. В энергетике поэзии Р. особенно остро чувст-

вуется ее первая, натуральная часть, рожденная из восприятия «сырой» природы, а вторая часть, выросшая из начитанности поэта, восприятия им творчества любимых авторов и его культурного багажа, чувствуется слабее, так как оказывается чаще всего сильно растворенной в первой части и ассимилированной ей. Отсюда поэзия Р., при всей начитанности ее автора и множестве в его стихах реминисценций из любимых поэтов, не воспринимается как «книжная», в отличие, например, от поэзии А. Кушнера, энергетика которой больше связана с культурой, лит-рой и искусством, чем с «сырой» природой.

Соч.: Против часовой стрелки: Избранные стихи / предисл. И. Бродского. Н. Я., 1991; Избранное. М.; Париж; Нью-Йорк, 1994; Предсказание: поэмы. М., 1994; Мне скучно без Довлатова. М., 1997; Тоска на колесах: Евгений Рейн в беседе с Ефимом Бершиным // Лит. газ. 1993. 7 июля; Иосиф // Вопр. лит.-ры. 1994. № 2; На черепках традиций: Беседа Е. Бершина с Е. Рейном // Лит. газ. 1994. № 34; Взгляд сквозь экран своего окна. Кинематограф Е. Рейна: Беседа Е. Бершина с Е. Рейном // Лит. газ. 1996. 17 янв.; Арка над водой. М., 2000.

Лит.: Бек Т. Неразделимый узел соучастия // Юность. 1985. № 11; Бондаренко Вл. Игра на занижение // Наш современник. 1985. № 12; Межиров А. Непоправимый день // Лит. газ. 1990. № 43; Скульская Е. [Рец. на сб. Р.] // Нева. 1991. № 4; Бродский И. Трагический элегик // Знамя. 1991. № 7; Винокурова И. Темнота зеркал [Рец.] // Новый мир. 1991. № 10; Пурин А. Предсказание избранности // Новый мир. 1994. № 12; Эткинд Е. Я выросал в забавнейшее время...: О двух «четверках». Исследования Ю. Лотмана как ключ к стихам Е. Рейна // Лит. газ. 1995. 31 мая. С. 4; Шайтанов И. Формула лирики // Арion. 2001. № 3.

М. Ф. Пьяных

РЕЙСНЕР Лариса Михайловна [1(13).5. 1895, Люблин — 7 (по др. данным 9).2.1926, Москва] — публицист, поэтесса, драматург.

Дочь социолога и правоведа, оказавшего огромное влияние на духовное и идейное становление дочери. Отец Р., будучи профессором Томского ун-та в 1898–1903, был обвинен в «возмутительной пропаганде» и в 1903 эмигрировал в Германию, где завел постоянные знакомства с руководителями российской и германской социал-демократии — А. Бебелем, К. Либкнехтом, В. И. Ульяновым (Лениным); после возвращения в Россию (1907) активно содействовал становлению социал-демократического движения на родине.

Р. с детских лет оказалась захваченной романтикой революционной борьбы; во мно-

гом «бунтарский», «неоромантический» пафос ее ранних произведений — лирических стих. и героико-романтической драмы **«Атлантида»** (1913) — обусловлен интеллигентским идеализмом, присущим семейству Рейснеров. Другим источником влияния на Р. в ее отроческие годы стала поэзия русских модернистов — символистов и акмеистов, также тяготевшая к неоромантизму.

В 1912 Р., окончив с золотой медалью гимназию, поступила в Петербургский психоневрологический ин-т, где в это время преподавал ее отец. В 1915–16 Р. вместе с отцом выпускает сатирический ж. «Рудин» (названный по имени тургеневского героя, которого Р. считала, вслед за А. В. Луначарским, провозвестником и предшественником революционной социал-демократии). Р. редактирует «Рудина» и помещает здесь ряд стих. и резких фельетонов, высмеивающих нравы политической и творческой интеллигенции 1910-х. Особое место в идеологической программе ж. занимала критика «оборончества» (в частности, критика взглядов на войну Г. В. Плеханова), которое почиталось Рейснерами формой оппортунизма. Однако, не скрывая идейно-политической физиономии ж., Р. в качестве редактора «Рудина» заботилась о том, чтобы «открыть дорогу молодым талантам»: она привлекала к сотрудничеству в ж. участников университетского «Кружка поэтов» (в который входила сама) — О. Э. Мандельштама, Вс. А. Рождественского, талантливых художников С. Н. Грузенберга, Н. Н. Купреянова, Е. И. Праведникова. После закрытия «Рудина» (в мае 1916 ж. закрылся за недостатком средств для его изд.) Р. сотрудничает в ж. М. Горького «Летопись», а затем — в горьковской «Новой жизни». В 1916–17 Р. переживает бурный след в ее жизни и творчестве (под именем «Гафиза» поэт выведен в **«Автобиографическом романе»**, не опубл. при жизни Р.).

Р. принимает активное участие в революционных событиях в Петрограде в февр.–окт. 1917. Вместе с демонстрантами она принимает участие в пикетировании Петропавловской крепости, освобождении политзаключенных. В 1917 участвует в деятельности комиссии по делам искусств исполкома Советов рабочих и крестьянских депутатов, а после окт. 1917 — в Специальной комиссии по учету и охране Эрмитажа и музеев Петрограда. После вступления в ВКП(б) (1918) Р. делает единственную в своем роде карьеру женщины — военного политика: в дек. 1918 она становится комиссаром Ге-



Л. М. Рейснер

нерального штаба Военно-Морского флота РСФСР, прослужив до того несколько месяцев комиссаром разведывательного отряда штаба 5-й армии, принимавшего участие в боевых действиях Волжско-Камской флотилии. С июня 1919 по середину 1920 Р. вновь участвует в боевых действиях, на этот раз — Волжско-Каспийской флотилии, а с лета 1920 становится сотрудником Политуправления Балтийского флота. Подобная «революционная биография» сделала из Р. символ «женщины русской революции»: образ Р. послужил для Вс. Вишневского прототипическим источником для создания знаменитой «Оптимистической трагедии».

В годы Гражданской войны Р. не оставила занятий лит-рой, однако основным жанром ее творчества становится теперь худож.-публицистический очерк. С 1918 в газ. «Известия» печатаются ее **«Письма с фронта»**, составившие впоследствии книгу **«Фронт: 1918–1920 гг.»**. Очеркам Р. была свойственна специфическая «романтичность». В каждом шаге, в каждом жесте своих героев Р. видела легенду революции. Поэтому так нарочито колоритны краски, так энергичен ритм повествования в этих произведениях. Р. не столько рассказывала о происходящих событиях, сколько как бы лепила скульптурные изваяния своих героев, которые несли революцию «свое героическое ремесло и подымали до себя колеблющуюся и податливую массу», «по-царски расточая сокровища своего беззаботного, доброго

и непостижимо стойкого духа» («Маркин»). Нельзя не отметить, что Р. действительно удалось запечатлеть немало ярких психологических ситуаций: она стремилась людские судьбы революции поднять на уровень трагедии мирового духа. Так, в очерке «Астрахань», рассказывая о морском летчике, пережившем гибель сына, Р. писала: «Он подымается после этого на воздушные сражения по три-четыре раза в день, вопреки всем предупреждениям. Теперь на его большом лице появилась еще черта — прямая и резкая, как он сам, значение которой неизбежно и непреклонно и перед которой опускаются человеческие глаза, не смея ее узнать. Этой чертой бессильной силы отмечен Геркулес Фарнезе» (Избранные произведения. М., 1958. С. 73).

Во время пребывания в Петрограде в 1920–21 Р. принимает активное участие в лит.-общественной жизни, сотрудничает с петроградским Союзом поэтов, заводит тесное знакомство с А. А. Блоком.

В марте 1921 в составе Советского представительства, которое возглавлял ее муж Ф. Ф. Раскольников, Р. уезжает в Афганистан. Очерки о деятельности советской миссии в этой стране (первой установившей политические контакты с РСФСР) печатались в газ. «Правда», а затем были объединены Р. в книгу «Афганистан» (1924).

После разрыва с Ф. Ф. Раскольниковым Р. возвращается в Москву, занимается журналистикой. В 1923 и 1925 работала специальным корреспондентом «Красной звезды» и «Известий» в Германии, результатом чего явились циклы очерков «Берлин в 1923 году», «В стране Гинденбурга», «Гамбург на баррикадах». Близким другом Р. в этот период ее жизни был видный коммунистический деятель Карл Радек, примыкавший к троцкистской оппозиции.

В 1926 Р. внезапно заболела тифом и скоропостижно скончалась в возрасте 30 лет.

Беллетристика Р. несет очевидную печать эпигонства, в ней присутствуют штампы модернистской лит-ры, особенно — акмеизма, с его пристрастием к описательной, «вещной» изобразительности и риторике. Действительно индивидуальными, яркими по содержанию и по форме оказались очерки Р.; в своих худож.-публицистических произведениях Р., наряду с Д. Фурмановым и А. Серафимовичем, стоит у истоков поэтики «социалистического реализма».

Соч.: Избранное. М., 1965; Автобиографический роман / вступ. статья А. И. Наумовой и Г. А. Пржиборской; прим. Н. А. Такташевой // Из истории совет-

ской лит-ры 1920–1930 годов. Новые исследования и материалы. М., 1983. С. 190–259 (ЛН. Т. 93).

Лит.: Лариса Рейснер в воспоминаниях современников. М., 1969; Алексеева А. «Я часто скачу по полям, крича навстречу ветру ваше имя...»: О переписке Н. С. Гумилева и Л. М. Рейснер // Хронограф-89: сб. М., 1989. С. 280–296.

Ю. В. Зобнин

РЕКЕМЧУК Александр Евсеевич [25.12.1927, Одесса] — прозаик, поэт, кинодраматург, переводчик.

Родился в семье со сложной, драматической судьбой. Его отец, Евсей Тимофеевич Рекемчук, штабс-капитан русской армии, участвовал в Гражданской войне, затем оказался эмигрантом, жил во Франции. В 1926 вернулся на Родину, стал журналистом, однако во второй половине 1930-х был репрессирован (расстрелян в 1937). Мать Р., Л. А. Приходько, была актрисой, снималась в фильмах немого кино. После развода в 1933 с отцом Р. вышла замуж за австрийского политэмигранта, участника гражданской войны в Испании Ганса Нидерле. Влияние отца было заметным в детские годы, и впоследствии в сво-



А. Е. Рекемчук